

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ЗОРА

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Зора

Аннотация

«Морская пристань большого английского города. Шум волн. В перспективе трубы фабрик, заводы, пароходы. На пристани толпа провожающих и отъезжающих...»

Содержание

Пролог	4
Действие первое	12
Действие второе	29

**Николай Гарин-
Михайловский**
Зора
Пролог и два действия

Пролог

Морская пристань большого английского города. Шум волн. В перспективе трубы фабрик, заводы, пароходы. На пристани толпа провожающих и отъезжающих.

Песня моряков

Кто хочет плакать и поститься – пусть идет в монастырь!
Кто хочет тепла и покоя – пусть не вылезает из своей избы.

А кто хочет борьбы – пусть идет с нами в океан.

Мы научим его смотреть там опасности прямо в глаза,
Мы научим его брать быка за рога...

О, гей! О, гей! Стихия наша – океан, простор, борьба...

Кто хочет следовать за нами – иди!

Гарри и сестра его Мэри отходят и гуляют.

Мэри. Итак, милый Гарри, через несколько минут ты уедешь от нас в далекие страны. *(После паузы, заглядывая ему в глаза.)* Может быть, ты скажешь мне еще что-нибудь?

Гарри. Ты хочешь непременно заставить меня сказать тебе что-нибудь о Маргарите. Теперь, когда через несколько минут я скроюсь от вас надолго, моя дорогая, я решусь сказать тебе то, что прежде не сказал бы. Маргарита нравится мне. Ни с кем я не провожу свое время так незаметно, так легко не делюсь, – несмотря на то, что она еще ребенок, – своими, даже очень серьезными мыслями. Я вижу хорошо, что и я ей нравлюсь. Но... посмотри в эту минуту на нее, как беспечна и резва она в кругу наших приятелей. Разве это че-

ловек, сделавший свой бесповоротный выбор? А я? Я тоже думаю о ней, но я не знаю, встретив на пароходе другую, не буду ли думать о той, другой. Это еще не чувство, которое заставляет людей навеки связать себя друг с другом. Может быть, со временем... Но и оставим времени...

Мэри (*вздыхает*). Она любит тебя, Гарри, и я не могу представить лучшей жены для тебя.

Маргарита (*подходит быстро*). Гарри, я хочу говорить с вашей сестрой.

Гарри кланяется и отходит.

Милая Мэри, у меня гениальный план. Дворец Гарри, где он будет жить там, будет готов к Новому году. Папа сказал ему, что они приедут к нему, с ним вместе встретить этот Новый год. Мэри, милая, неужели вы не поедете, неужели с вами не поедет ваш друг, который так любит вас и боится оставить вас в таком далеком путешествии?.. Гарри не должен ничего знать; я хочу, чтоб он устроил маскарад, и я таким образом под маской увижу все, а затем спрячусь в вашей комнате и в роли вашей камеристки, в такой большой шляпе, уеду с вами назад. Согласны вы?

Мэри (*грустно*). Дорогая Маргарита, так вот о чем так возбужденно вы сейчас толковали!

Маргарита. Да, да... Вы видите, какое там движение – это все мои агенты убеждают папу и Гарри о маскараде. При-

шло время решительной атаки: идем же к ним на помощь. (*Задумчиво идущему Освальду.*) Идите к Гарри, отвлеките его на время... Это необходимо, это вопрос жизни – идите же. (*Проходит с Мэри.*)

Освальд (*вслед Маргарите*). Пойду... Привык я заполнять твои желанья и любить безнадежно... (*Подходит к Гарри и берет его под руку.*) Итак, вы все-таки едете, и вас не удерживают проклятья друзей далекого народа, по словам которых культура наша принесет их народу не счастье, а страданье.

Гарри. Увы! Мировые законы жизни здесь – спрос рынка, обесцененный труд – и бессильны усилия идеалистов изменить тут что-нибудь. Наука, Освальд, милый, великая наука жизни и великие ее законы. Я сам был добрым утопистом и верил, что счастье людям свалится так... с неба. Мне надоело кропить жизнь святой водой моих желаний. Страданья?.. Страданья Нансена, когда в грязи, невымытый два года, он жил на полюсе, рискуя каждое мгновение в арктические ночи замерзнуть, утонуть, моржами злыми быть затопленным в утлой лодке в океане. Пусть спросят же они у Нансена – страданье это или счастье? В сознании счастье, Освальд, милый, которое ведет людей к земному раю. Высокий жребий будит это сознание – такую работу стоит любить.

Звонок на пароходе. Прощаются. Одни входят на пароход, другие остаются. Гарри тоже прощается.

Отец Маргариты (*обнимая Гарри*). Прощайте, друг наш. Вы молоды, отважны, энергичны. Капитал и знание в ваших руках, вы едете туда облеченный исключительной властью и силой, вы – гражданин страны, культурой своей победившей мир. Работайте же, пока есть силы.

Гарри. О, да. И пусть будет моим девизом: «Знание, буди ленивых». (*Всходит на трап.*)

Маргарита (*тихо*). Ну, папа, господа, что же вы? Он уж идет...

Гарри останавливается.

Отец Маргариты. Итак, вы говорите, что к Новому году уже ждете нас во всеоружии?

Гарри. О, да.

Отец Маргариты. Трудно верится такой быстроте... И мы тогда вместе празднуем победу? Так что ж? Может быть, устроим уж, как следует с новогодним маскарадом?

Гарри (*радостно*). С дамами?

Отец Маргариты (*уклончиво*). Не знаю...

Гарри (*вынимает записную книжку*). Итак, я записываю: маскарад 31-го декабря этого года.

Сквозь толпу протискивается старик – крепкий, с благообразной физиономией, просто одетый.

Старик (*Гарри*). Господин мой добрый, я к вам.

Гарри (*быстро спускается к нему, вежливо*). Я к вашим услугам.

Старик. Вы едете в страну, язык и нравы которой мне хорошо известны. Во многих случаях я мог бы быть ваш чичероне¹ там.

Гарри. Ваша специальность?

Старик (*с усилием*). Я должен вам всю правду рассказать...

Гарри. Я слушаю, но будьте кратки – пароход не ждет.

Старик. Я был матросом той страны, и, видит бог, исправным. Но это не избавило меня однако от оскорбительного произвола... Я не покорился...

Гарри (*весело*). Это хорошо.

Старик. ...и дезертировал... Теперь я гражданин вашей страны, но с годами все неотразимо влечет к местам, где я родился и прожил свою юность.

Гарри. Но если вас узнают там?

Старик. Кто теперь во мне узнает веселого юношу, каким я был когда-то!

Гарри (*шутливо*). А если, рассердившись вдруг за что-нибудь на вас, я выдам...

Старик (*качает головой*). Вы меня не знаете, но я вас знаю: еще когда вы мальчишкой ходили в школу мимо моих

¹ Чичероне – проводник, дающий объяснения.

окон... Я видел, как в порыве увлечения вы, защищая одну-единую...

Гарри. Довольно, старик.

Старик. Нет, благородный господин, не можете вы выдать. И насчет этого я спокоен.

Гарри задумывается.

Маргарита (*Мэри тихо*). Какой симпатичный старик. Он должен ехать с Гарри...

Гарри (*старик*). Вы едете со мной.

Мэри. Гарри, Маргарита просит тебя за старика.

Гарри. Тем охотнее я беру его.

Старик. Благодарю вас. Но кто просил за меня, чтоб, увидев, я знал, за кого буду молиться в своих молитвах?

Мэри (*показывая на Маргариту*). Вот...

Старик. О, за такую девушку легко мне будет молиться. Если она не погнушается дать мне свою руку, я был бы счастлив пожать ее.

Маргарита (*весело*). Вот она!

Гарри (*Маргарите*). Глядя на старика, я буду теперь часто вспоминать о вас.

Маргарита (*быстро целуя старика*). Так напоминайте же своему господину почаще обо мне.

Последний звонок.

Гарри. Вперед, старик. Пора.

Мэри (*в сторону*). Еще несколько минут – и, кто знает, они успели бы, быть может, договориться. (*Вздыхает*).

Гарри стоит на пароходе.

Может быть, и я, Гарри, приеду на твой маскарад.

Пароход отходит. Матросы поют свою песню. Крики провожающих.

Мargarита (*отворачивается к Мэри*). О, Мэри, как я люблю его. Смотрите, какой стоит он, – сколько благородства.

Занавес

Действие первое

Картина I

Вдали видна деревня, речка с прудом. Солнце. Кругом нарядные, в зелени и цветах, поля. Толпа девушек и парней в национальных костюмах. Девушки ведут хороводы, парни стоят, столпившись, в стороне.

Старик-жрец, отец Зоры; Зора, жених ее Зораим.

Жрец. Веселее, детушки, веселее, чтоб великий бог наш Тура не сердился, что не в коня нам его корм, его веселый месяц май. Ну, дружно.

Хор.

Кто умеет хорошо работать, тот и веселиться умеет.

Ай, люли, ай, люли!

И кто думает о веселье, тот лучше работает.

Ай, люли, ай, люли!

И плохой работник всегда кислая баба в веселье.

Ай, люли, ай, люли!

Один из парней пускается вприсядку.

Жрец. Так, детушки, так. Так и деды наши веселились. Богиньку нашу не забудьте тоже в веселый месяц май. Это ей бог великий Тура подарил веселый месяц май. *(Лукаво подмигивает.)* Зораим, может быть, споешь ты нам свою песенку?

Хор. Вот, вот – послушаем и мы.

Зораим. Что ж? Я спою. Кто пришел на землю, всякий поет свою песню любви – так велел великий Тура, и куда уйти живущему от его повеления? И мне велел он. Я пахал мою землю, и солнце светило, и пар шел от нее, потому что была весна, было веселое утро и табуны бежали в поле. Тогда громко звал теленок свою мать, и птицы пели свою песню любви, а Зора шла к своему отцу. И сердце сказало мне: «Вот кого я люблю и буду любить, пока бьется мое сердце».

Хор. О-го! Молодец!

Жрец. А Зора что скажет нам в семнадцатую свою весну?

Зора. Зора ничего не скажет. Зора спит без снов. Не надоели ей ласки матери и отца, спокойно живется ей в избушке на берегу пруда. Так живет Зора и ни о какой другой жизни не думает она. А когда надоест ей, она позовет тогда Зораима.

Жрец. Ну и дай ей еще год, Зораим.

Зора. А пока будь мне другом, Зораим.

Зораим. Не того хотел я. Но что же делать? Хорошо, я буду ждать год, а пока буду тебе другом, верным другом, Зора.

Жрец. Вот так! А теперь не будем терять наше время...

Входят незаметно Гарри со стариком и останавливаются в стороне.

Хор.

Кто умеет хорошо работать, тот и веселиться умеет.
Ай, люли! Ай, люли! и т. д.

Один из парней пускается вприсядку.

Гарри (*выходит вперед*), Скажите, добрые люди, отчего вы не пашете вашу землю, как это делают все другие, а пляшете здесь?

Жрец. Праздник Уяв у нас теперь: великий Тура, бог наш, велел нам праздновать его.

Гарри. Великий Тура?

Жрец. Бог наш...

Гарри. Язычники... Из страны на высшей ступени культуры я попадаю сразу на первую ступень... Но как же уцелели вы? Откуда вы узнали о вашем Боге?

Жрец. Мы – бедные чувашаи – без книг, со слов отцов обычай предков строго держим. Великий Тура – бог наш добрый, а Ирик² злой и на глаза болезнь пускает. Богинюшка ж, дочь молодая Тура, нам свадьбы правит, и так живем мы.

² Ирик. По-чувашски йёрёх.

Мы пашем землю и круглый год работаем, а в веселый месяц май мы веселимся. Мы любим Туру, богинюшку нашу и мать земли. Мы знаем голос ее и, слушая его, мы знаем, какому хлебу будет урожай; такой и сеем хлеб. И, глядя на нас, и все тот хлеб сеют. Никому от нас обиды нет. Мы весело работаем, весело празднуем свой праздник, а когда смерть приходит – умираем, и друзья веселятся на нашей тризне. Теперь ты знаешь, как живем мы, бедные чувашаи. Если хочешь, мы споем тебе наши песни.

Гарри. Да, да, хочу, старик.

Девушки тихо, без слов поют. Гарри смотрит задумчиво.

Быть может, предок мой таким же чужестранным гостем стоял, как я стою теперь, и в честь его так же пели. Странное волнение я ощущаю. Словно отдернул вдруг я волшебную занавеску и сам стою над своею собственной колыбелью...
(*Стоит в пол-оборота и молча смотрит.*)

Девушки громче поют без слов и медленно движутся в хороводе. Они делают шаг, останавливаются, делают следующий.

Что они поют?

Жрец. Они ничего не поют. Они изображают, как после смерти они будут подходить к своему богу Туре. Тогда они

будут смотреть ему прямо в глаза. У них не будет тогда слов. Ему не надо слов: он все знает. Ах, грешен человек! Так грешен, что слова не помогут больше ему.

Гарри. Как торжественно и прекрасно это пение. В нем сохранился аромат веков, веков промчавшихся. Завеса вдруг раскрылась, ум, потонувший в бездне знаний, замолчал, а сердце радостно трепещет и рвется к утру жизни. О, сердце, узнало, может быть, ты эту песню? А эта девушка? Какая необыкновенная красота! Это сочетание молодого, почти детского лица с суровым головным убором воина... И из-под кольчуги еще нежней румянец щек. А взгляд? Какая сила и огонь!.. Весталки³ взгляд. Ты кто, старик?

Жрец. Я жрец. Будь гостем нашим.

Гарри (*радостно*). Охотно. Как старость манит к себе юность, так и меня влечет неотразимо туда, назад, к колыбели народов.

Старик (*тихо Гарри*). Вы приказали исполнить работу и ждать вас?

Гарри. К черту работу. Вы видите эту девушку (*показывает на Зору*). Узнайте осторожно, кто она, из какой избы, кто ее отец?

Старик (*угрюмо*). Перед отъездом нашим...

Гарри (*нетерпеливо*). Довольно...

Старик бессильно разводит руками и, недовольный, скры-

³ Весталка – целомудренная девушка.

ваεται в толпе. Пение кончается, девушки, держась за руки, останавливаются в пол-оборота.

Гарри. Прекрасно, чудно! (*Смотрит восторженно на Зору.*)

Жрец. Скажи теперь и ты нам: откуда и кто ты?

Гарри. Кто я? Кто я? Слушайте же, мои друзья, кто я: когда великий Тура создал землю – он не только создал землю: он создал солнце и луну, и звезды. И одному ему уж трудно было управлять всем миром. И вот послал он на солнце, на луну, на каждую звезду, на землю по духу, чтоб помогли ему. И духу этому земли великий Тура передал неисчислимые богатства для людей. Но обманул дух Туру и спрятал все богатства в волшебном замке на горе. Злой дух, он даром ничего не отдает из тех богатств людям. И дорогую плату он берет с людей за них: здоровьем, молодостью, жизнью, страданиями. Но когда люди все-таки придут к замку, и овладеют, и духа недостойного прогонят прочь с земли...

Жрец (*угрюмо*). Что нам в его богатствах – и так живем мы...

Гарри. В его богатствах? Вся сила жизни. Теперь вы хилы и больны, боитесь голода и стужи, и страданий... Тогда же голод, стужа и страданья в счастье превратятся.

Жрец. Ты говоришь, он не боится бога Туры?

Гарри. Тура далеко – и делает, что хочет, дух мятежный.

Жрец и Хор. Ирик, знать, он, и его – все сокровенные

богатства.

Гарри. Увы! Мятежный дух он. Гордый дух. Он властный дух. Он силой власти кого коснется, тот навсегда уж следует за ним: его богатства любить тот будет всем сердцем, всей душой, но духа злого сильнее ненавидеть. Меня коснулся он, и горе мне и счастье мне, – его слуга я. Со мной его и сила, кого коснулся я – пойдет за мной тот...

Жрец. Так вот кто ты? Ты – вестник Ирика. О, горе нам! Пророчество сбылось. Да, точно, старик наш говорил: придут тяжелые годы, и Тура Ирику над нами волю даст...

Гарри. Зачем же испугались и смутились вы? Я вам не зло принес: дома построю вам, дворцов получше, покой животный заменю вам счастьем сознания...

Жрец (*падает на колени*). О, пощади!

Гарри (*весело*). Пощады нет, друзья. Вставай, старик, вставай!

Жрец (*вставая тяжело*). Покорны мы.

Хор. Покорны мы.

Гарри (*в сторону*). Несчастные рабы, – не будете вы скоро ими.

Старик (*входя, тихо Гарри*). Зорой зовут ее, она живет на озере, отец ее этот старик (*показывает на жреца*). Но позвольте мне напомнить вам...

Гарри. Не трудитесь. (*Жрецу.*) Вот, видишь этот кошелек? Его с твоего разрешения отдать хочу я девушкам.

Жрец. Во всем твоя воля.

Гарри (*подходя к Зоре*). Прекрасное дитя, в твоём лице я благодарю всех этих добрых девушек и хотел бы поцеловать тебя. (*Целует её, кладет ей деньги в руки.*)

Зора стоит смущенная. Зораим быстро, с вызывающим лицом подходит.

Гарри (*насмешливо*). Таков у нас обычай, что целуем девушек, не спрашивая у других разрешения...

Жрец (*покорно*). Такой его обычай, и покориться надо.

Зораим с опущенной головой отходит.

Гарри (*в сторону, презрительно*). Всегда во всем рабы. (*Громко.*) Теперь же я уйду до вечера, мои друзья. А вечером мне нужен будет отдых: старик, к тебе прошусь я на ночлег.

Жрец. Покорен я. Будь гостем дорогим... А, девушки, все за подарок благодарите гостя.

Девушки разрывают цепь и, став в полукруг, полусадятся. Музыка играет гимн Туре.

Гарри. Как прекрасно! (*Тихо.*) Как она смотрит...

Занавес

Картина II

Озеро, бедная избушка, завалинка; садится солнце. Зора, старуха-мать ее, Зораим.

Явление 1

Старуха. Что с Зорой нашей вдруг стряслось? Горяча голова, и тело все горит, не узнает меня. Ах, Ирик, Ирик злой, и в самый праздник не пожалел ее.

Зораим. Она задумчива вдруг стала и сидела, точно не видела уж больше, как ее подруги кружились в хороводе и звали ее. Она смотрела только пред собой и все молчала. Тогда, по приказанию отца, я поднял ее и привел к тебе.

Старуха. Ах, Зора, дочь моя! Ты слышишь ли, ты видишь ли меня?.. Молчит... Одно осталось – бежать скорее к вещи-ну... Беги же, Зораим!

Зораим. Бегу. (*Убегает.*)

Зора ложится на завалинку.

Старуха. Приляг, дитя, приляг, пусть сон придет и спрячет тебя от злых глаз Ирика. А я покамест ужин соберу. Уж солнце на закате, и скоро быть хозяину домой.

Зораим (*показываясь в калитке*). Велел отец сказать тебе, что с гостем будет на ночлег.

Старуха. Кто гость?

Зораим. Не ведаю... Ты не пугайся только, – он вестник Ирика, гость ваш, дворцы он будет строить, машины привезет, дороги будет строить.

Старуха. Что говоришь ты, безрассудный, понять я не могу...

Зораим. Ну, ладно, пусть уж сам отец тебе расскажет, а я бегу... (*Уходит.*)

Явление 2

Старуха. Он вестник Ирика? Тогда просить его скорее болезнь с малютки нашей снять... Машины привезет, дворцы настроит... Нет, ничего головушка моя уж в толк не может взять... Вот дитяtko больное спит... Спи... спи... И ужин надобно собирать... Да, ужин собирать... Что ж? Пойду я ужин собирать... (*Вздыхает, стоит задумчиво, тихо уходит.*)

Явление 3

Мгновенная перемена декорации. Голубая ночь, луна играет в пруде. Какие-то таинственные фигуры, тени. Совы сидят на крыше. Зора сидит на завалинке: дедушка Домовой высунул из подполья голову, положил ее на лапу и задумчиво смотрит на Зору; Водяной высунулся из воды, положив голову на лапы, также смотрит. Леший смотрит с дерева. Какие-то уродцы-зверьки с поджатými лапами сидят и смотрят на Зору большими задумчивыми глазами.

Зора. Что, боги милые, так грустно на меня смотрите?..

Леший. Что, наша Зорушка, сама грустна ты стала? Не хочешь ли ты в лес ко мне аукаться со мной, чтоб горе разогнать? Я зайчиков проворных к тебе сгоню, лисичку покажу.

Зора. Нет, не пойду. Ох, тяжело мне.

Водяной. А то ко мне на пруд иди с детишками играть моими. При блеске лунном любят покружить они на глади вод прозрачных. К тебе на бережок придут они и в хоровод...

Зора. Нет, не пойду. Ох, тяжело мне.

Леший (*слезает с дерева, садится возле Зоры, она кладет ему голову на плечо*). Что, Зорушка моя, ну что с тобой?

Зора. Ох, я не знаю... Погадай мне, Водяной: умеешь так искусно ты, на воду глядя, гадать судьбу.

Водяной. Что ж, погадаем... (*Идет и смотрит на воду,*

смущенно.) Худо...

Зора. Худо?

Водяной. Покинешь скоро нас.

Зора (*как во сне, повторяет*). Покину скоро вас?

Водяной. Забудешь дом родной, богов родных забудешь.

Зора. Забуду дом родной, богов родных забуду?

Водяной. И вновь вернешься к нам, но знать о том уже не будешь.

Зора. Вернуся снова к вам, но знать о том не буду? (*Тяжело вздыхает, словно просыпаясь.*) О, как мне тяжело, тяжело, боги! Помогите же мне! Ты – Водяной, ты – Леший, ты – милый Домовой, меня вы защитите от власти духа.

Все вместе (*внятно*). Не можем мы. (*Глядя на Зору.*) Дух, мятежный дух. Он властный дух.

Зора смотрит в отчаянии перед собою.

Явление 4

Входят жрец и Гарри; из избы выходят старуха, Зора.

Жрец. Как наша Зора?

Старуха. Ты видишь... плоха, старик... (*Падает на колени перед чужеземцем.*) Ты вестник Ирика, за гостеприимство нашу Зору излечи.

Гарри (*в сторону*). Прекрасно! (*Громко.*) Попробую, уй-

дите оба и не входите, пока не позову вас. Но – горе вам, если войдете!

Жрец и жена. Покорны мы.

Явление 5

Их слуга.

Гарри. Пройдите в избу.

Слуга уходит.

Гарри (*подходит к Зоре*). Прекрасное дитя, что с тобою?

Зора (*облокотившись на стол*). Не знаю я... Нет больше сил во мне, коснулся ты меня – и я сижу и все забыла; и жжет меня твой поцелуй и воля духа... Погибла я. (*Опускает голову на руки.*)

Гарри (*садится*). Что же страшит тебя? С тобой я буду вечно.

Зора. Но если неотразимый дух велит тебе меня оставить вдруг, что станется тогда со мною?

Гарри. Зора, дитя мое, как ты прекрасна! Тебя оставить? Нет, здесь не властен дух. Вот... вот... смотри на этот талисман... в нем чудодейственная сила: не властен дух над ним: возьми, а с ним и сердце все мое, мою любовь, о, Зора!.. Твоим я мужем буду...

Зора. Моим ты будешь мужем, и с этим талисманом от воли злой избавимся мы духа?

Гарри. И с этим талисманом пойдем к его мы замку, Зора. Пойдешь со мною?

Зора (*рассеянно играет его волосами*). Откуда ты пришел, и почему сразу вся душа моя открылась вдруг, словно давно уж знала я тебя?..

Гарри. Это любовь, о, Зора!

Зора. Любовь? Как хорошо любить! Ты говоришь, что тоже меня любишь?

Гарри. А для кого я здесь?

Зора (*радостно*). Для меня, ты говоришь? (*Улыбается.*)
Как в сказке я царица, а ты ко мне приходишь...

Гарри. Ты, ты моя царица, прелестное дитя!

Жрец (*стучится*). Как Зора наша?

Гарри (*весело*). Она здорова...

Зора смеется.

Явление 6

Входит жрец со старухой.

Зора. Да, я здорова. А этот талисман он дал мне, чтобы я была всегда здорова.

Старуха. О, счастье нам!

Жрец. Вот это хорошо... Спасибо гостю... И Ирику спасибо. Что говорить? Он тоже сильный дух, и если ладить с ним – не будет худо: покорны мы... Ну, а теперь и ужинать бы время... Пойдем в избу, любезный гость.

Явление 7

Входит старик.

Старик. Нет, в избу не ходите, изба грязна: телята там и вонь – не продохнешь...

Старуха. За что избу поносишь нашу?

Жрец. Привыкли к ней мы, и любя нам она.

Гарри. Постой, старик, я лучше здесь, действительно, останусь. Еще немного мне надо Зору полечить. Идите ужинать со старухой, а мне и Зоре слуга мой принесет сюда.

Жрец. Ну что ж, и так пусть будет... Хоть и обидно.

Старуха. Обидно-то обидно...

Жрец. Молчи, старуха, покоримся, – пусть только Зору нам поправит.

Старик и старуха уходят.

Явление 8

Гарри (*слуге*). Сейчас же лошадей нам: мы ночевать не будем и уедем.

Слуга. Осмелюсь доложить, что лошади устали.

Гарри. Скорей... Им отдых будет.

Слуга. Осмелюсь вам еще напомнить...

Гарри. Не надо.

Слуга уходит.

Явление 9

Гарри. Зора, я лошадей велел нам подавать.

Зора. Куда?

Гарри. О, Зора милая, жена моя! Куда же, как не к мужу, к себе в свой дом уедем мы.

Зора. А старики?

Гарри. Оставь их, они нас не поймут. Я напишу им, и пусть найдут кого-нибудь, кто им прочтет. (*Пишет.*) Вот что я им напишу: «Нас с Зорой дух земли похитил».

Зора. Но как же бросить их?

Гарри. Тогда один уеду.

Зора. Нет, нет! С тобою вместе!

Наступают сумерки.

Явление 10

Гарри. Спешите!

Зора. Минуту дай помедлить. Войду в избу я на мгновение под каким-нибудь предлогом, прощусь со стариками; на озеро, на богов в последний раз взгляну.

Гарри. Нет, Зора, нет. Не растравляй свое ты сердце и план искусный не порти, Зора, сильна будь: нас подвиг ждет... Едем! (*Увлекает ее.*)

Занавес.

Действие второе

Картина I

Большая зала, ярко освещенная. В громадных зеркальных окнах выделяются из мрака ярко-иллюминированные трубы фабрик и зданий. В темноте проходит освещенный поезд. В зале много костюмированных гостей. Музыка играет танцы. Танцуют на заднем плане. Маргарита в маске и костюме Музы. Мэри Дианой – тоже в маске.

Маргарита. Ах, Мэри! Какое счастье! Я изменяю голос и так успела изучить язык этой страны, что он уверен, что говорит с кем-нибудь из городских дам.

Входит старик. Он идет угрюмо.

А, старик наш!

Старик. Кто зовет меня?

Маргарита. Вы даете слово, старик, не выдавать тайну нашу: тогда скажу вам, кто я.

Старик. Даю, конечно.

Маргарита (*наклоняется к его уху*). И будете ее хранить

так же свято, как я вашу?

Старик (*вздрыгнув*). Что это значит? Откуда вы знаете?..

Маргарита на мгновение снимает маску.

Старик (*радостно*). Так это вы? Та, о которой я молюсь? Вот радостный и для меня будет день: и, кажется, первый день здесь... (*Угрюмо оглядывается и вздыхает.*)

Маргарита. Что с вами? Отчего вы так мрачны?

Старик. За тайну – тайну. Пусть эта барышня уйдет. (*Показывает на Мэри.*)

Мэри. О, как таинственно... Хорошо, уйду, старик. (*Уходит.*)

Старик. О, тяжело мне... Оглянитесь... Христианский разве это дом? Языческий – и песни их богам поются. Все эти статуи... Что статуи? Уйдем подальше – и я такое расскажу вам... В тот коридор пройдите... (*Низко кланяется и проходит.*)

Маргарита проходит к двери.

Отец Маргариты (*Гарри*). Все ожидания наши вы превзошли, любезный друг. Сказочной энергией на пустом месте вы создали жизнь.

Гарри. Я рад, что вы довольны... Скажу откровенно, что и я доволен прогрессом жизни здесь. Но я опечален, и празд-

ник мой поблек. Я от сестры узнал, что вашей дочери здесь нет. (*Осматривается.*)

Отец Маргариты (*лукаво*). Да, жаль... Откуда это общество?

Гарри. Из города. Я познакомлю с ними вас. (*Уходят со своими товарищами. Входят Маргарита и старик.*)

Маргарита. О, боже мой! Что я узнала: в его дворце скрывается язычница-красавица. Быть может, любит он ее... Старик молчит, а спрашивать его... Старик, нельзя ль увидеть мне ее?

Старик. Но как же это сделать? Позвольте, мне господин строитель поручил наведываться к ней. Скажу я ей, что он зовет ее к гостям, а потом оправдаюсь тем, что жаль мне стало, глядя, как она скучает.

Маргарита. Прекрасно!

Старик (*низко кланяется*). Иду я.

Гарри подходит.

Гарри (*Маргарите*). О чем вы говорили с этим стариком?

Маргарита. Я спрашивала, откуда он. Оригинальный старик, как все, впрочем, в этом доме, начиная с хозяина и его костюма. Что означает ваш костюм с повязкой выше глаз?

Гарри. Костюм мой? Науку им хотел изобразить я; костюм науки прост – повязка с глаз долой, без утопий ложных

должно смотреть вперед... А ваш костюм?

Маргарита. Хотела я искусством нарядиться, Костюм мой – музы. Искусство признаете вы?

Гарри. Искусство – да, морали скучной не признаю в искусстве я. Иначе признать должно и за другими право мораль иную проводить в искусстве, и стало бы тогда искусство спорным. А между тем искусство вечно. Вот искусство! (*Показывает на бюст Венеры и Аполлона.*)

Маргарита. Искусство плоти?

Гарри. Искусство естества, природы... Оно одно лишь вечно. Какой-нибудь вдруг аппарат, при помощи которого из воздуха добудут люди себе питание, – и нет вопроса жгучего дней наших. А между тем природа безустали ткет такой же вечно-старый и вечно-новый узор любви... Вот нити золотые, на которых все зиждется. Пусть они порвутся – и рухнет с ними в бездну все: наука, альтруизм, само искусство... Мир древних таким искусством...

Входит Зора в национальном костюме.

Откуда ты, дитя мое? (*Быстро подходит к ней.*)

Зора (*смущенно*). Старик сказал, что ты зовешь меня...

Входят гости.

Гарри (*про себя*). Что он напутал там? (*Громко Зоре.*) Да,

да... Я звал тебя... Не бойся, дитя мое... Друзья нас окружают. (*Подводит Зору к Маргарите.*) Мы говорили об искусстве; язычница пред вами... из далекого мира сказок, родины муз, и близки ей вы, и, может быть, возьмете вы ее под свое покровительство.

Маргарита. С восторгом. Милое дитя, мы с тобой дети одного Бога, хотя каждый поет ему свою песню. Ты какие поешь ему песни?

Зора. У нас одна песнь...

Маргарита. Может быть, споешь ее ты нам?

Зора стоит с потупленной головой.

Гарри. Но что с тобою, дитя? Быть может, ты не хочешь петь, чтобы богов своих не прогневить, не вовремя спев песню их?

Зора. О, нет. Богов своих я не боюсь больше. Что, бедные, они пред этими богами?

Гарри. Но что ж с тобой? (*Отводит Зору в сторону.*)

Зора. Я не богов боюсь... боюсь я взглядов той, которую моим назвал ты другом...

Маргарита (*незаметно подходя, в сторону*). А!

Гарри (*Зоре*). Боишься ты?! А талисман?

Зора (*радостно*). Да, талисман. Нет, нет, я не боюсь и буду петь.

Идут к гостям, Зора поет свою песню. Гости улыбаются, пожимают плечами, говорят: «Странная песня без слов». Гарри смотрит на всех угрюмо, опускает голову. Зора смущенно смолкает.

Маргарита. Прекрасно, хорошо.

Редкие голоса. Браво, браво!

Зора. Еще мне петь?

Гости (*тихо*). Довольно бы...

Гарри (*подходит к Зоре, грустно*). Ты не устала? (*Маргарите.*) Прекрасное искусство, быть может, осчастливишь и ты нас песенкой своей?

Гости. О, да, о, да...

Маргарита. Спою и я. (*Поет о красоте и свободе искусства*).

Все энергично аплодируют.

Лакей (*входит*). Ужин готов.

Гарри (*гостям*). Ужинать прошу; господа.

Гости идут.

(*Подходя к Зоре, тихо*). Милая Зора, пойдешь ты с нами?

Зора (*тоже тихо, смущенно*). Нет, нет, я не пойду... Но ты, когда они уйдут, придешь?

Гарри (*Зоре, тихо*). Приду... (*Подходит к Маргарите, подает ей руку; Зоре, проходя.*) Прости, дитя. (*Уходит.*)

Зора (*одна*). Он с ней ушел... Ах, как поет она. Зачем, зачем я пела? Я думала, что петь умею я, что песнь действительно прекрасна... Они смеялись над ней и надо мной... А он смотрел... потом глаза потупил... болел душою за меня... стыдился, может быть. (*Вздыхает.*) Ах! С каждым днем я что-нибудь теряю... Давно уж потеряла родных, богов своих, давно узнала я, что темный мрак в моем уме... Сегодня голос потеряла, а с ним, быть может, и любовь его.... (*Испуганно смотрит, радостно.*) А талисман? Вот он. (*Целует его.*) Кажется, идут... (*Прячется.*)

Входят Гарри и Маргарита.

Гарри (*быстро подходя с Маргаритой к рампе*). Скажите мне: что с вами? Вы вдруг встали из-за стола и приказали проводить вас?

Маргарита. Кто эта Зора?

Гарри. Зора? При чем тут Зора?.. Какое право имеете вы...

Маргарита снимает маску.

Гарри. Маргарита! Простите... (*Смущенно.*) Теперь я буду откровенен... Да, Зорой увлекался я... Прекрасное всегда

прекрасно, и прекрасный образ девственных времен в душе моей отпечатлелся... Но как вам это передать? В раскопках древних вдруг находят спасенную от времени нарядную вещь... Она красива и прекрасна, но чуть коснется воздух наш ее – и в прах рассыпалась вещьца, и больше нет ее. Что здесь тлетворно? Воздух наш или сама вещьца?.. Оставим Зору – Зоры нет. (*Подает Маргарите руку.*)

*Маргарита идет в раздумье с Гарри; уходят.
Зора выходит.*

Зора. А-а! (*Срывает талисман.*) И это, значит, ложь! (*Бросает талисман.*) Душно мне. Ах, душно... прочь отсюда... (*Выбегает.*)

Маргарита возвращается с Гарри, который видит убегающую Зору.

Гарри (*в сторону*). Зора... Слыхала, может быть...

Маргарита. Поклонник истины, – вы лжете. Вечером вы к ней придете?

Гарри. Вы попали искусно в цель... Нет, нет; не буду больше лгать... То было только первое смущенье: люблю я Зору.

Шум и крик за окнами, гости входят.

Маргарита (*бросается к Освальду*). Ужасный вечер. Сама, сама затеяла его. Скорее проводите в мои вы комнаты меня и папу позовите. (*Уходят.*)

Гарри (*поднимает медальон*). Что это? Так, значит, слышала она?.. Что там за шум еще?

Слуга (*входя*). Пришли чувашаи...

Гарри. Зачем?

Слуга. Они кричат, расчетом недовольны. Эти штрафы...

Гарри. Пустой предлог. В год прежде не заработали бы они, что получают в месяц... Еще что?

Слуга. Поля у них заняли...

Гарри. Ага!

Слуга. Их девушек и жен бесчестят, похищают...

Гарри. Но с их согласия.

Слуга. Они хотят... чтоб все навеки прочь ушли мы из этих мест... Какой ответ им дать?

Гарри. Сейчас я дам его. (*Убегает.*)

Шум усиливается; Гарри возвращается с ружьем.

Гарри. Зовите их...

Вваливается толпа, во главе жрец.

Жрец. В проклятый замок твой мы раньше, кажется, при-

шли, чем ждал ты нас.

Входит старик.

Старик (*Гарри, тихо*). Войска уже идут и через час здесь будут, – обманом затяните с ними разговор.

Гарри. Войска! Зачем войска? Обманов больше нет... Нет! Не ты еще правду им скажу. Эй, слушайте вы, трусы, рабы! Ни в чем я вам не уступлю и буду в вас стрелять, моржей злобных. За каплю, каплю лишь сознания без сожаленья всю вашу кровь пролью... А если попадусь на клык ваш раньше, – закон великий жизни все же за меня.

Зораим (*выбегает из дверей сзади, ударяет Гарри ножом в спину*). Умри ж, проклятый!

Гарри. Удар хорош. (*Падает.*)

Вбегают новые.

Дикари. Спасайтесь все, кто может, горит проклятый замок!

Все бегут.

Гарри (*приподнимается*). Бегите, все бегите. Закон великий жизни погонит вас не так.

Старик (*бросается к Гарри*). Убит? О, господин, мой

добрый господин!

Гарри (*поднимаясь на руки, осматривается*). Конец всему. О чем жалеть? О чем тревога? Я умер на посту, и если бы природа мне возвратила силы, я так же б действовал... И без меня другие сделают. А все-таки тревога в сердце... Теперь я уже в объятьях матери природы, лицом к лицу... Я только с Зорой. Теперь я эти нити золотые матери-природы ясно вижу... Увы! Я сердце благородное разбил, той сердце, которую одну любил.

Старик. Мой добрый господин. Одно, одно всего мгновенье жизни – и двери вечности открыты будут, перед вами. Судья Всевышний ждет вас там. Быть может, на земле у вас не все еще развязано. Покайтесь же, пока есть время.

Гарри (*поднимаясь на локте*). Туман предвечный глаза мне застилает, но все еще тебя я вижу, тебя люблю... Зора... ты прекрасна... (*Падают мертвый.*)

Занавес.

Картина II

Зима. Ночь. Лес. Сугробы снега, ели убраны инеем. Прозвучит, какие-то обманчивые образы. Ветви елей низко спустились. Далеко на горе горящий замок. Зора идет по лесу.

Зора. Устала я и сяду. *(Садится.)* Как тихо здесь и неподвижно... Холодно... Зима... Зима в моей душе. Все спит кругом, и я усну... Придет веселая весна, проснется лес... В избе на озере отец сзовет народ и поведет их в поле веселый май встречать... Нет, ничего я больше не увижу... Вас, мать, отец, друзья и боги милые... Да, да, сказали вы тогда, что возвращусь я к вам, хоть знать того не буду... Не возвращусь ни к вам, ни к матушке... к избе на озере я больше не вернусь... О, как больно мне, и как устала я и спать хочу... *(Засыпает. Тихо.)* Люблю тебя...

Двигаются тени, окружают Зору. Дерево, под которым она замерзает, вырисовывается на мгновение, и видны на нем черты дедушки-мороза. То же с другими деревьями: в каждом на мгновение показывается чей-то напряженный образ. Тени и образы исчезают. Зора сидит, окутанная инеем, узорами снега, лунные лучи играют на нарядном одеянии.